

РУССКАЯ НАРОДНАЯ МЕДИЦИНА ПО ЛЕЧЕБНИКАМ И ТРАВНИКАМ

Л.А. ГЛИНКИНА
(Челябинск),
М.С. ВЫХРЫСТЮК
(Тобольск)

ТОБОЛЬСКИЙ СПИСОК ЛЕЧЕБНИКА XVII — НАЧАЛА XVIII В. В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ¹

Лечебники прошлого — оригинальный жанр средневековой русской письменности, сходный по содержанию и форме с древнейшими зелейниками, травниками, врачевниками, вертоградями и близкий по коммуникативно-назидательной направленности к энциклопедическим текстам «Христианской топографии» Козьмы Индикоплова, Космографии, Физиолога, Пчелы, Азбуковников, Домостроя, Назирателя. Концептуально они относятся к сфере формирования национальной медицины — к области врачебной лексики и систематизации лечебных растений. Указания на их первоисточники противоречивы: несомненно, врачевание бытовало в устной форме у славян даже в пору их племенной жизни и передавалось от поколения к поколению. Его хранили и собирали знахари, ведуны, колдуны — талантливые, внимательные к природе знатоки; в монастырях лечили монахи.

Зарубежная анатомо-медицинская сфера постепенно открывалась для русских с рассказами путешественников и торговцев. Она обрела новое качество с на-

чалом книгопечатания. В средневековой Европе были широко распространены немецкие, итальянские переводы латинских и византийских первоисточников, среди которых блистали сочинение о травах «Одо из Мена», написанное гекзаметром в XI в., поэма Серена Самоника «О лекарствах», травник «Мацер Флоридус». В переводах упоминались имена знаменитых Плиния, Лукреция, Константина Африканского, Демокрита, Сервилия.

Переводные лечебники появились на Руси в XVI в. Они были написаны прозой, и это открывало их тексты для переделок, вставок, переложений на русский лад, подражаний — в целом для коллективной русификации. Сравним версифицированный этюд «От сердца» в тексте лечебника, переведенного Ю.Ф. Шульцем, с фрагментом из прозаического русского травника начала XVIII в. тобольского образца:

*Если безумная боль
Поражает у нас подреберье,
И нестерпимая боль
Сердечные ткани терзает,
То на пипинеллу затем
Сочетают, как надо, с маратром,
Также берут зедоар и еще тонацету*

мужскую,

*Что лихорадку уймут
И прогонят из сердца страданье*
[Шульц 1976, 236];

У кого сердце болитъ возми черную ретку и изрѣши еѣ крушками да положи на блюда да пресыпь и инбиремъ тертымъ: мушкатом, гвоздикомъ и проколи ножемъ и поставь в тѣплѣ и что отстоитца соку и тотъ сок пий на утру на тощѣхъ срдцѣхъ по три дни да и рѣтка с пѣсту уздравливает [Травник 2004, 46].

Переводные лечебники быстро впитали в себя народный опыт врачевания и превратились в популярные справоч-

Русская народная медицина по лечебникам и травникам

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 05-04-85-409 а/У).

ники. В целом же формирование этого жанра «низовой» литературы было длительным и даже трагическим процессом. В конце XVII — начале XVIII в. начались гонения на магию и колдовство, и лечебники, как отреченная литература, были официально выведены из жизни светского общества: их отбирали, за них наказывали и даже казнили. Однако народные средства врачевания всё равно сохранились.

Об особой значимости лечебников в формировании русского менталитета писал Д.С. Лихачев: «“Лечебники” и “травники” — это не только своеобразные руководства к отогнанию зла — душевного и телесного. Это великолепные памятники языка и эстетического понимания окружающего мира. <...> Как трава, пробиваясь через почву, тексты лечебников формировались многими десятилетиями и столетиями, но только с начала XVII века в пору демократизации письменности они вышли на поверхность и оформились в самостоятельные руководства» [Лихачев 1987, 11—12].

Самый основательный труд по истории русской медико-ботанической литературы написан В.М. Флоринским еще во второй половине XIX столетия. Ученый дал своей работе знаковое название: «Русские простонародные травники и лечебники: Собрание медицинских рукописей XVI и XVII столетий» [Флоринский 1879]. Наиболее полные источниковедческие данные о народном врачевании излагаются на русском языке Н.Д. Богоявленским в «Византийском медицинском трактате XI—XIV веков» [Богоявленский 1970] и Ю.Ф. Шульцем, автором первого поэтического перевода на русский язык древнего сочинения «Одо из Мена» [Шульц 1976].

Тексты травников и лечебников прошлого осели в разных архивах. Полагают, что в России сейчас находится около 400 списков². Написанные скорописью XVI—XVII вв., они текстуально отнюдь не тождественны. К сожалению, лечебники и травники вследствие их слабой изученности пока еще неактивно привлечены в качестве иллюстративных текстов в академических историко-лин-

гвистических словарях XI—XVII и XVIII вв. [Филиппович 2002]

В первоначальном указателе источников к «Словарю русского языка XI—XVII вв.» [СлРЯ XI—XVII 1975, 62] упомянуты только три лечебника, а также ставшая раритетом книга Л.Ф. Змеева и небольшой по объему текст лечебника последней трети XVII века в транслитерации Н.С. Котковой [Змеев 1895; Коткова 1991]. В Правилах пользования «Словарем русского языка XVIII века» [СлРЯ XVIII 1984, 92] названы лишь два рукописных лечебника, хранящихся в Пушкинском Доме, и небольшой по объему текст, опубликованный в книге В.П. Адриановой-Перетц «Очерки по истории русской сатирической литературы XVIII в.» [Адрианова-Перетц 1937, 247—251]. В такой же мере недоступна для современного исследователя и работа В.М. Флоринского, о которой уже шла речь. Редкое исключение составляют подготовленные и опубликованные в старопечатном варианте и современном переводе В.В. Колесова извлечения из разных рукописных лечебников по архивным коллекциям ГПБ и некоторых областных архивов. Этот материал сгруппирован составителем тематически по принципу хрестоматии [Из лечебников и травников 1987, 502—527]. Опубликованные нами тобольский лечебник XVII в. и тобольский травник XVIII в. лишь по содержанию, но не текстуально перекрещиваются с ним в некоторых главах и статьях, однако без купюр при публикации они дают полное представление о структуре и содержании старорусского лечебника и травника как жанра [Лечебник 2003; Травник 2004].

Сбор «низовых» народных текстов так называемой «отреченной» литературы в последние годы привлекает исследователей гуманитарного профиля, так как содержит ответы на многие вопросы истории отечественной культуры. Появились публикации в основном историко-антропологического плана [Пименова 1987; Коткова 1991; Исаченко 1997; Криничная 1998; Турилов 1998; Топорков 1999; Ипполитова 2004]. Первая монография о русских народных травниках по материалам российских архивов вышла в Кракове [Chodurska 2003].

Главной культурологической проблемой в истории этого жанра обычно на-

² Обстоятельный историографический обзор травников, хранящихся в центральных архивах России, см.: [Ипполитова 2004].

зывают генезис. Существуют противоположные взгляды на происхождение лечебников и травников и время их появления. Исследователи полагают, что это

— **исконно русские тексты**, поскольку лечебники и травники представляют собой запись устных рассказов, обобщающих накопленный народом опыт в лечении болезней травами. Такого взгляда придерживался В.М. Флоринский, считавший, кстати, что первые записанные травники появились до XVI в. [Флоринский 1879, I—III, XV—XVI];

— **калькирование и перевод зарубежных травников и лечебников**. Такова позиция Л.Ф. Змеева, который считал травники следствием «растворения» знаний ученой культуры в народной среде, происшедшего не ранее XVII в. [Змеев 1895];

— **синтез народных и заимствованных компонентов**. Этого взгляда придерживался Ф.И. Буслаев [Буслаев 1861, 33]. «Амальгамную» позицию защищал и Д.С. Лихачев [Лихачев 1987, 11—12].

И все-таки проблема генезиса произведений этого жанра остается не до конца решенной. Главная причина — неглубокое и «невсеохватное» изучение памятников, хранящихся в центральных и региональных архивах России. Возможно, часть из них — копии, другие же рукописные тексты — протографы и оригиналы. Так, А.Б. Ипполитовой удалось рассмотреть 54 списка народных травников из центральных архивов как цельный объект изучения по теории и истории культуры и назвать семь типов травников по географическим апелляциям: костромской, петрозаводский, поволжский, устюжский, заонежский, муромский, алтайский [Ипполитова 2004, 12].

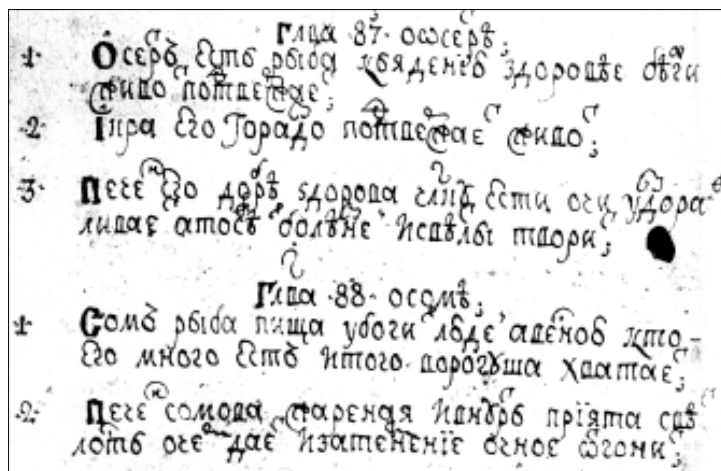
Внимательное рассмотрение лечебника и травника, обнаруженных нами в Тобольском архиве [Лечебник 2003; Травник 2004; Урсу-Архипова 2004], показало, что с этнолингвистических позиций — язык сквозь призму человеческого сознания, бытового и обрядового поведения, мифологического творчества — это два разных варианта одного «рецептурного» жанра. Текст обоих памятников очень близок к разговорному языку, хотя включает в себя просторечие и элементы книжно-славянской речи.

Древность и подлинность обоих тобольских текстов не вызывает сомнений

и подтверждается археографическими данными, хотя для точной их датировки нет достаточных сведений. По археографическим признакам «Лечебник» можно отнести к концу XVII — началу XVIII в., а «Травник» — к середине — концу XVIII в. Каждый памятник в тобольском варианте имеет только один рукописный список. Кратко опишем лечебник. Это достаточно большая книга, состоящая из 135 листов плотной бумаги (135 x 2 = 270 страниц), подшитой в еще более плотный переплет, который обклеен прохудившейся со временем темно-зеленой материей. Сквозь дыры в плотном грубом сукне, похожем на мешковину, видно, что корочками служат сложенные в девять слоев листы той же бумаги. Листы сшиты в небольшие пачки, которые также соединены между собой, но гораздо слабее, поэтому в некоторых местах пачки разваливаются. Судя по материалу ниток (капрон), эта работа сделана сравнительно недавно. Бумага светло-коричневого цвета, листы размером 220 x 170 мм одинаковой плотности, т.е. одного производства. Водяные знаки не просматриваются, поэтому трудно установить место изготовления бумаги. Каждая страница имеет поля по краям 15 x 20 мм, к середине страницы 10 мм, снизу 20 мм, сверху 10 мм. Заполнены обе стороны каждого листа — лицевая и оборотная. Большая часть лечебника переписана черными чернилами растительного происхождения красивым четким почерком. Иллюстраций нет.

Скорописная графика типична для конца XVII в. Это время активного смешения букв **ѣ** («ять») и **Е**, параллельного употребления **ѣ** («ук») и **У**, **ѡ** («омеги») и **О**, регулярных выносных букв в определенных формах слов и звуко сочетаниях. Текст в основном написан одним переписчиком, хотя и не имеет заявленного в книге личностного начала. Вставки, правка и записи на последних страницах выполнены другим почерком, что говорит о причастности к созданию этого памятника еще трех «соавторов».

Основной переписчик несомненно работал по заказу с более древним текстом южнорусского происхождения, оставляя свободными непонятные места более раннего скорописного прототипа, которые позже заполнялись другим по-

Фрагмент тобольского лечебника конца XVII — начала XVIII в. Почерк основного переписчика.

черком. В конце книги предлагаются широко известные в средневековые советы египтянина Моисея, личного врача царя Александра, своему патрону (этот же текст есть и у В.В. Колесова). Книгу заключают обрывки благодарственного письма неизвестного автора неизвестному респонденту, на обложке — перечень хозяйственных предметов.

Известно, что к XVII в. на Руси было сделано несколько переводов травников и лечебников с немецкого, польского, «венечийского» оригиналов. В истории остались имена первых русских лекарей Николая Булева, Кайбышева, толмача Даниила. С течением времени тексты лечебников основательно обрусели. Тобольский вариант — одно из доказательств такого утверждения. Был ли главный старательный канцелярист (монах) родом из Москвы, Малороссии или только усердно копировал черты южнорусского и украинского письма, остается для нас загадкой. В главе 186 текста лечебника есть отсылка к Ивану Мазовеину³ как к авторитетному врачу, что косвенно также свидетельствует о юго-западных истоках языка тобольского варианта лечебника: «Иван мазовеин пишет о свороборинѣ⁴ что свороборина есть лекарство по латинѣ мидисине бенедикте а по руски врачеваніе бл҃гословенное...» [Лечебник 2003, 161].

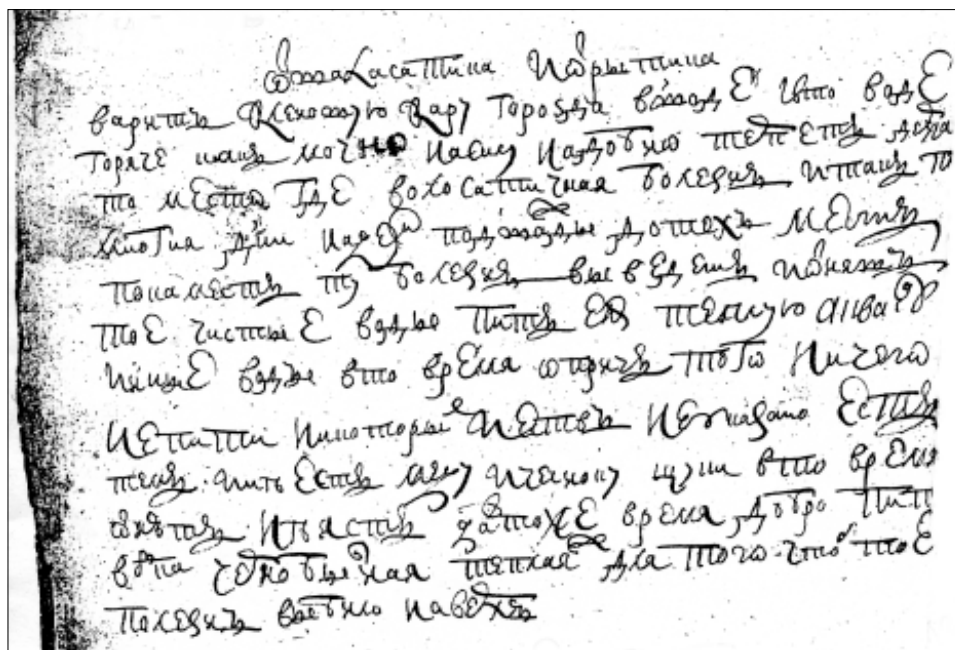
³ Мазовия — историческая область Польши в среднем течении р. Вислы и нижнем течении р. Нарева и Буга. Названа от племен мазовшан [Словарь 1981, 752].

⁴ Свороборина — дикая роза, шиповник.

Как эта книга попала в XVII — начале XVIII в. в Тобольск, неизвестно. Возможно, ее привез с юга России ссылный пленник — дотошный врачеватель или посланный из Москвы выпускник специальной школы при Аптекарском приказе, которому было поручено лечить большой стрелецкий отряд в северной столице Сибири.

Название книги сообщается как бы попутно: «[У]каз главам внастоящей се' кнзѣ Глемо' лечебникѣ» [Лечебник 2003, 12]. Оглавлению предшествует нравоучительное сопровождение о том, как надо принимать пищу: «Аще добрая брашна и питія приѣмлем кои сладят и не вредят нас то здравіе и во все сѣставы ниши идет» [Лечебник 2003, 16]. Есть здесь указание не ложиться в теплую постель после обильной еды: то «вѣлми нездраво» и «тяжесѣ члѣкѣ» тогда, а «добро есть послѣ обѣда опочивати в хладном мѣстѣ» [Там же]. Есть предостережение не верящим в советы и рецепты, тем, которые «не вѣдаютъ бжественнаго ученія» [Там же]. Есть ссылка на Евангелие: «еже рече хрстѣ гдѣ ниш живиносными своими усты не... здравіи ищѣт врача но болящїи», — и на авторитет св. Иоанна Златоуста, правда, со слов некоего «мниха», собравшего и ведающего («свѣды») «врачебную хитрость» [Там же]. «Мы ж також де призва[в] Гда [оч] троицы слави маго и приѣмлем лекарство от болѣзней своих» [Лечебник 2003, 12].

Все 350 глав книги пронумерованы и тематически определены. В них выделены абзацы-стихи, обозначенные шрифтовым выделением первой заглавной

Фрагмент тобольского лечебника конца XVII — начала XVIII в. Почерк, которым сделаны записи на последних страницах.

буквы. В отдельных *стихах* рассматривается лечебная значимость каждого компонента (например, у растений — листьев, корня, сока), а также любого способа приготовления и комбинаций с другими средствами. Так же подробно расписываются целебные свойства птиц, рыб, домашних и диких животных. Иногда автор делает попутные замечания, выходящие за жанровые рамки (например, «сомъ рыба пища убогих люде'» [Лечебник 2003, 89 (гл. 88)]).

Лечебники и травники имели свои устойчивые формулы, передававшие императивные советы пользователю. Ср.: «Аще у жены дна двинется от мѣста до мѣста то пріемлет 15 зерен пїоніевых смѣшав с вином фряжским подсыченым или неподсыченым и пріемлет и токо болѣзнь престанет» [Лечебник 2003, 131 (гл. 146)]; «У кого болѣзнь в желуткѣ и ты вари / попутникъ в винѣ и то пей теплѣе / поутру» [Травник 2004, 55 (л. 28об.)] и др. Это стало поводом для использования канвы статей лечебников в сатирической литературе XVII в.⁵

⁵ Таков «Лечебник выдан от русских людей как лечить иноземцов и их земель людей» [Адрианова-Перетц 1937, 239—251]. Это уникальное произведение в истории русской

Структура текста с некоторыми купюрами в основном соответствует общирному, тщательно выполненному

литературы. Его автор отталкивается от социально-экономической обстановки в России XVII в., где складывался капитализм, рождался всероссийский рынок, обострялась борьба между русскими и зарубежными купцами, которые беспощадно торговали на Руси и «всё московское государство оголодили», вывоза тайно и явно «всякий харч и хлеб» в свои земли. Острая пародия построена по текстологическим моделям истинных лечебников, но с использованием аллюзий, алогизмов, метафор и других тропов. В качестве лекарства пользователю предлагаются «белый мостовой стук», «телѣжный скрип», «дѣвичье молоко», «толстое орловое лежанье», «крупное кошечье ворчанье», «воловоый рык», «ненасный свиной визг». Необыкновенную энергетику текста создает прежде всего метаморфоза конкретных и абстрактных несчитаемых номинаций, которые автором меряются на золотники, аршины, фунты: «курячья высококого глосу полфунта», «вешнаго вѣтру полчетверика». Вот образцы некоторых рецептов: «А буде которой иноземецъ заскорбитъ рукою провертѣть здоровую руку буравом, вынять мозгу и помазать больная рука и будет здрав без обѣих рукъ» [Там же, 251]; «А буде болят ноги, взять ис под саны полоз, варить в соломяном сусле [трои сутки и тем немецкие ноги парить] и приговаривать слова: как таскались санныя полозы, так же бы таскались немецкие ноги» [Там же].

оглавлению — своеобразной регистрационной картотеке, где выделен ряд блоков:

- об овощах, фруктах, ягодах, злаках;
- «о звѣрях диких и ядовитых»;
- «о птицах всяких к лекарствѣм угодных»;
- «о заморских и о русских зелиях и о древесѣх и о травах»;
- «о древесѣх»;
- «о водах ис трав перепищенных»;
- «о маслѣх которые к чему годны бывают»;
- «о солях»;
- «о сахарѣх».

Вторая часть книги — собственно лечебник, который предваряется наказом: «Сказаніе о немощах члѣческих которые бывают в члѣе и како имянются и чем которюю немоч по дохтарским наукам лечить и то в се' [книжцѣ] подлинно написано ищи по глѣвам по се' росписце» [Лечебник 2003, 20]. Автор дает классификацию по заболеваниям соответствующих органов и указывает детально главы и разделы:

- «о главно' болѣзни»;
- «о мозгѣ главном»;
- «о насморкѣ главном»;
- «о кипленю' крови»;
- «о тягостно' крови в члѣе чем ея выгнати»;
- «о застановлені' крови из жил язвенных»;
- «о переломаных костях и о расшибеных сѣставѣх»;
- «о язвах стрѣленных и сѣченых» и т.п.

Названия структурно неоднотипны. Ср.: «аще у кого кровь замерла внѣтри от дбою» [Лечебник 2003, 23], «аще у кого спина болит или поясница или инья сѣставы» [Там же] или «о знаменіи моровых болячекъ» [Лечебник 2003, 225]. Причем врачебные, целебные рекомендации перемежаются с хозяйственными советами, нравственными напутствиями и даже косметическими рецептами: «о че[с]ности и о счастье в людех», «о весели' и любви» [Лечебник 2003, 34]; «аще кто хоцет много рыб уловити»; «чемъ ис платна сѣконнаго сала вывести» [Лечебник 2003, 42]; «о разсѣждени' и о знати зачатія женскаго сном или дщерию беремѣнна» [Лечебник 2003, 232].

Регистр второй части вызывает глубочайшее уважение к труженику, которому удалось так тщательно и скрупулезно систематизировать все расписан-

ные свойства отдельных объектов флоры и фауны, а затем целеустремленно сгруппировать их при составлении рецептов врачевания конкретных болезней человека. Этой тематики в иностранных источниках нет.

Обобщая накопленное, автор стремился передать другим опыт в познании естества человеческого в его обиходе, семейном быту, в каждодневном общении и труде. Как сказка читается глава 100 «о ракѣ», где описываются не только способы лечения «порохом», получаемым из раков, и бытового его применения, но и «опознаваніе кое мѣж или жена», их любовная игра и повадки. Ср.: «А живет въ ямах и под камнем а без воды может долго живѣдет только станеш его молоком поить а коли бѣдет стар тогда во глѣвѣ 2 камени» [Лечебник 2003, 92]. Выразительно наблюдение над «гордой» рыбой окунем, которая по-своему спасается от щуки: «Окѣн рыба недобрѣ велика только горда и спесива егда увидит щѣкѣ тогда хвостом к не' оборотится и надметя и крылѣ подимет и ходит стадом для своего недрѣга» [Лечебник 2003, 91 (гл. 94)]. Особенно же наивны и даже смешны «нравственные» рецепты в семейной жизни: «Срдце совино аще кто приложит к женѣ спяще' к лѣвому боку тогда сама на себя все выскажет» [Лечебник 2003, 85 (гл. 83)]; «Аще станетъ муж жены не бречи: маж ево медвѣжим саломъ всего не будетъ емѣ похоти на иную» [Травник 2004, 74].

В текстах редко упоминается имя Бога и Богородицы, но весь лечебник пронизан подлинным милосердием, желанием помочь любому человеку добрым и надежным советом. Не случайно автор подкрепляет рецепты словами: «то испытано есть всякому», «такое рекутъ врачеве», «врачевание благословенно». Наиболее частотны формулы-заключения: «и тако здравѣ будетъ», «и болѣзнь уйметъся», «и срдце (очи, нутрь, глава и др.) укрепитъся» и др.

Мы не беремся судить о практической значимости старинных рецептов для современной фармацевтики и врачебной практики, но, вне сомнений, лечебник — интереснейший, малоизученный филологами и этнографами тип старорусского текста. Исследователь от начала и до конца книги остается под обаянием ее антропоцентризма, испытывая удивление

перед единством человека и природы-матери, тайны которой наши предки зорко наблюдали и глубоко почитали. Проникновенны и справедливы слова Ф.И. Буслаева о том, что «народное суеверие есть один из существенных видов поэзии, перешедшей в жизнь и с нею слившейся... Несмотря на свою фантастическую основу, суеверие важно для народа своею практическою применимостью в делах житейских» [Буслаев 1861, 32].

Тобольский вариант безымянного рукописного текста лечебника конца XVII — начала XVIII в. — своеобразный фрагмент наивной картины мира, соединивший в себе практицизм и стихийную народную фантазию человека русского средневековья. Однако нельзя не отметить лингвистическую информативность памятника, текст которого становится ценным источником и при его традиционном структурно-системном анализе, и при использовании относительно новых методик и подходов к фактам языка (коммуникативно-прагматического, когнитивно-концептуального, лингвотекстологического, функционально-системного). «Лечебник» дает богатый материал для изучения истории некоторых лексико-семантических полей и формирования специальной медицинской, ботанической и фармацевтической терминологии. Поскольку лечебники, как об этом свидетельствует В.И. Даль, предназначались не для врачей [Даль 1998, 246], в них много разговорных, просторечных обозначений и структур. В тексте причудливо сочетаются официальный и простой язык того времени, поэтому для лингвотекстологического анализа лечебников важно изучение взаимопроникновения, сочетания и варьирования народно-разговорного и книжного начала; формирования параллельных терминов медико-ботанического типа в научном и просторечном стиле русского языка; адаптации иноязычных слов устной речью («колера» — холера, «маланколия» — меланхолия и др.). Поэтому переложение трудной для чтения скорописи на более понятный, хотя и старинный графический лад⁶ позволяет ввести в научный

оборот несомненно значимый для исторической русистики и филологии в целом объемный источник.

В заключение вернемся к уже процитированным словам Д.С. Лихачева. Это своего рода наказ ученого потомкам собрать и классифицировать максимум лечебников, хранящихся в архивах России, глубоко изучить их текстовую природу в ее связи с русской ментальностью и историей.

Литература

Адрианова-Перетц 1937 — Адрианова-Перетц В.П. Очерки по истории русской сатирической литературы XVII в. М.; Л., 1937. С. 247—251.

Богоявленский 1970 — Богоявленский Н.Д. Византийский медицинский трактат XI—XIV веков. М., 1970.

Буслаев 1861 — Буслаев Ф.И. О народной поэзии в древнерусской литературе // Буслаев Ф.И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. СПб., 1861. Т. 2. С. 1—63.

Даль 1998 — Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1998. Т. 2.

Змеев 1895 — Змеев Л.Ф. Русские врачевники: Исследование в области нашей древней врачебной письменности. М., 1895. (Памятники древней письменности; Т. 112).

Из лечебников и травников 1987 — Из лечебников и травников / Подгот. текста, пер. и коммент. В.В. Колесова // Памятники литературы Древней Руси. Конец XVI — начало XVII в. М., 1987. С. 492—527, 607—613.

Ипполитова 2004 — Ипполитова А.Б. Русские рукописные травники XVIII в. как феномен культуры. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: РГГУ, 2004.

Исаченко 1997 — Книга глаголемая «Прохладный вертоград»: Лечебник Патриаршего келейника Филагрия (РГБ, Музейное собр. № 8606; рук. XVII в.) / Сост., авт. предисл., пер., коммент. Т.А. Исаченко. М., 1997.

Коткова 1991 — Коткова Н.С. Лечебник последней трети XVII в. // Источники по истории русского языка XI—XVII вв. М., 1991. С. 173—195.

ный скорописный текст разделен в печатном воспроизведении на отдельные слова. Выносные буквы вставлены в слова и выделены курсивом. Тексты передаются в современной графике буква в букву с сохранением букв кириллицы. Буква «кси» заменена сочетанием *кс*. Сокращенные написания не раскрываются: *глава*, *на тще сердце*, *чсто* (чисто), *члвк*, *члвчский* и др. Знаки препинания практически отсутствуют, за исключением точки с запятой, заканчивающей каждый стих. Прописные и строчные буквы соответствуют рукописи [Лечебник 2003; Травник 2004].

⁶ Оба тобольских памятника опубликованы нами в соответствии с эдичионными правилами для лингвистических изданий текстов [Правила 1962, 64]. Сплошной или полуслит-

Криничная 1998 — *Криничная Н.А.* Травы-обереги: к семантике растительных образов // *Фольклористика Карелии*. Петрозаводск, 1998. С. 26—27.

Лечебник 2003 — *Тобольский лечебник XVII века* / Под общ. ред. Л.А. Глинкиной. Челябинск, 2003.

Лихачев 1987 — *Лихачев Д.С.* Подступы к решительным переменам в строении литературы // *Памятники литературы Древней Руси: Конец XVI — начало XVII в. М., 1987. С. 5—22.*

Пименова 1987 — *Пименова М.В.* Семантика цветообозначений по памятникам древнерусской литературы (по материалам травников, лечебников, иконописных подлинников). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1987.

Правила 1962 — *Правила лингвистического издания памятников древнерусской письменности* / Сост. О.А. Князевская, С.И. Котков. М.: ИРЯ АН СССР, 1962.

СлРЯ XI—XVII 1975 — *Словарь русского языка XI—XVII вв.*: Указ. источников карточки (В порядке алфавита сокращенных обозначений) / Сост. С.Ф. Геккер, доп. С.П. Мордовина, Т.Я. Романова. М., 1975.

Словарь 1981 — *Советский энциклопедический словарь*. М., 1981.

СлРЯ XVIII 1984 — *Словарь русского языка XVIII века: Правила пользования словарем*. Указ. источников / Сост. Л.Л. Кутина, О.Е. Березина, А.А. Алексеев. Л., 1984.

Топорков 1999 — *Топорков А.Л.* Повседневная мифология в России XVII века (по материалам рукописных лечебников) // *Мифология и повседневность*. Вып. 2: Мат. науч. конф. (24—26 февраля 1999 г.). СПб., 1999. С. 51—59.

Травник 2004 — *Тобольский травник XVIII века* / Под общ. ред. Л.А. Глинкиной. Челябинск, 2004.

Турилов 1998 — *Турилов А.А.* Народные поверья в русских лечебниках // *Живая старина*. 1998. № 3. С. 33—36.

Урсу-Архипова 2004 — *Урсу-Архипова А.П.* Тобольский вариант «Травника XVIII века» с позиций лингвистического источниковедения // *Деловой язык XVIII века по архивным данным городов Челябинска, Кургана, Тобольска*. Челябинск, 2004. С. 142—147.

Филиппович 2002 — *Филиппович Ю.Н., Филиппович А.Ю.* Электронный указатель источников рукописной древнерусской карточки и Словаря русского языка XI—XVII вв. М., 2002. [Книга и информационно-поисковая система на CD ROM].

Флоринский 1879 — *Флоринский В.М.* Русские простонародные травники и лечебники: Собр. рук. XVI и XVII столетий. Казань, 1879.

Шульц 1976 — *Шульц Ю.Ф.* Одо из Мена. М., 1976.

Chodurska 2003 — *Chodurska H.* Ze studiów nad fitonimami rękopismennych XVII—XVIII wieku. Kraków: Wydaw. nauk. AP, 2003.

Сокращения

ГПБ — Государственная публичная библиотека им. М.Е. Салтыкова-Щедрина (ныне Российская национальная библиотека).

А.Б. ИППОЛИТОВА
(Москва)

«ТА ТРАВА ЕСТЬ ЦАРЬ ВО ВСЕХ ТРАВАХ...»: «ЦАРСКИЕ» РАСТЕНИЯ В УСТНОЙ И РУКОПИСНОЙ ТРАДИЦИИ

В ряду памятников «низовой» рукописной традиции России XVII—XVIII вв. особое место занимают «народные» травники — сборники непостоянного состава, включающие краткие описания отдельных растений и их полезных для человека свойств. Зафиксированные в травниках представления о природе отличаются значительным своеобразием, обусловленным тесной связью с повседневными проблемами человека и магическими верованиями¹.

Среди описываемых в рукописях растений выделяется группа так называемых «царских» трав — растений, названия которых связаны со словом *царь* (а также *король*), или «величаемых» *царями* в текстах-описаниях² (например, «*Трава Иван... а именуется царь в травах*» [РГБ. Муз. 10927. Л. 22. № 91]). В травниках и лечебниках XVIII в. (корпус в 60 списков из рукописных собраний Москвы, Петербурга и Петрозаводска) нами выявлено более двадцати «царских» растений. Сведения о «царских» травах сохранились также в следственных делах о колдовстве. Так, в деле 1708 г. упоминается записка о травах, среди которых значилась трава *царевы власы* [Новомберг-

¹ Подробнее о травниках см.: [Ипполитова 2002б].

² Отметим, что растения могут «величаться» не только *царями*, но также *матерями* или *святыми*. Иногда растение величается одновременно царем и святым (*адамова глава 2* [БРАН. 45.9.21. Л. 6—7. № 8; БРАН. 33.15.192. Л. 5—5об. № 15], царем и матерью всех трав (*плакун* [Липинская, Леонтьева 1998, 427; РНБ. Q.VI.39. Л. 22об.]). Есть один случай, когда вместо слова *царь* употреблено слово *князь* (*адамова глава 2* [Забивкин 1911, 13 (№ 9)]). Известно только по работе И.Е. Забелина растение *царь царем* величается не *царем*, а *главой* всех трав и деревьев [Забелин 1912, 262].